

Т. О. Маколей

Полное собрание сочинений

**Том 7. История Англии. От восшествия на
престол Иакова II. Часть 2**

УДК 93
ББК 63.3
М16

М16 **Маколей Т.О.**
Полное собрание сочинений: Том 7. История Англии. От восшествия на престол Иакова II. Часть 2 / Т. О. Маколей – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 358 с.

ISBN 978-5-518-06770-7

Издание книгопродавца-типографа Маврикия Осиповича Вольфа.

ISBN 978-5-518-06770-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нили вокругъ нея толпу знатныхъ искателей. Самъ Карлъ, во время своего изгнанія, напрасно искалъ ея руки. Казалось, природа и судьба надѣлила ее всѣми своими дарами. Лице ея сіяло роскошною красотою юга, умъ ея былъ живой, манеры граціозны, положеніе въ обществѣ высоко, богатство несмѣтно; но ея неукротимыя страсти обратили всѣ эти блага въ проклятія. Она нашла невыносимымъ неудачное замужество, бѣжала отъ мужа, оставила свое громадное богатство, нѣкоторое время дивила Римъ и Піемонтъ своими похождениями и, наконецъ, поселилась въ Англій. Домъ ея былъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ остряковъ и праздныхъ искателей удовольствій, которые ради ея улыбокъ и ея стола сносили частыя выходки ея наглости и сварливости. Рочестеръ и Годольфинъ часто забывали государственныя дѣла въ ея обществѣ. Барильонъ и Сентъ-Эвремонтъ находили въ ея гостиной утѣшеніе въ долгомъ своемъ изгнаніи изъ Парижа. Ученость Воссія и остроуміе Воллера ежедневно употреблялись на то, чтобы льстить ей и развлекать ее. Но больная душа ея требовала болѣе сильныхъ возбужденій и искала ихъ въ любовныхъ приключеніяхъ, въ игрѣ и въ ирландской водкѣ (а). Между тѣмъ какъ Карлъ шутилъ съ своими тремя султаншами, французскій пажъ Гортензи, хорошенькій мальчикъ, своимъ пѣніемъ восхищавшій Вайтголлъ и получавшій въ подарокъ множество богатыхъ платьевъ, клеперовъ и гиней, ворковалъ какіе-то любовныя стишки (б). Человѣкъ двадцать придворныхъ сидѣло за картами вокругъ большаго стола, на которомъ золото навалено было горами (в). Уже тогда король жаловался, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. За ужиномъ у него не было аппетита; сонъ въ эту ночь былъ безпокоенъ; однако на слѣдующее утро онъ всталъ, по обыкновенію, рано.

Утра этого уже нѣсколько дней ожидали съ тревожнымъ нетерпѣніемъ враждующія партіи въ его совѣтѣ. Борьба между Галифаксомъ и Рочестеромъ, казалось, приближалась къ рѣшительному кризису. Галифаксъ, не довольствуясь тѣмъ, что вытѣснилъ уже своего соперника изъ департамента казначейства, вызвался уличить его въ такихъ злоупотребленіяхъ и

(а) SAINT-EVREMOND, *passim*.—St. RÉAL, «*Mémoires de la duchesse de Mazarin*»; ROCHESTER'S «*Farewell*»; EVELYN'S «*Diary*», Sept. 6, 1676, June 11, 1699.

(б) EVELYN'S «*Diary*», Jan. 28, 1684/5; SAINT-EVREMOND'S Letter to DÉRY.

(в) EVELYN'S «*Diary*», Feb. 4, 1684/5.

упущеніяхъ въ управленіи финансами, за которыя онъ долженъ былъ быть наказанъ удаленіемъ изъ государственной службы. Поговаривали даже шопотомъ, что лордъ президентъ будетъ, вѣроятно, отправленъ въ Тоуэръ. Король обѣщаль изслѣдовать дѣло. Второе февраля было назначено для этого изслѣдованія, и разнымъ чиновникамъ вѣдомства государственныхъ финансовъ было предписано явиться въ этотъ день со своими книгами (*). Но крутой поворотъ обстоятельствъ былъ близокъ.

Какъ только Карлъ всталъ съ постели, приближенные его тотчасъ замѣтили, что его выговоръ былъ неясенъ, и что мысли его какъ бы блуждали. Нѣсколько знатныхъ особъ собралось, по обыкновенію, чтобы присутствовать при бритьѣ и одѣваніи государя. Онъ пытался было повести съ ними обычную бесѣду; но его разстроенный видъ поразилъ и испугалъ ихъ. Вскорѣ лице его почернѣло, глаза закатились, онъ вскрикнулъ, пошатнулся и упалъ на руки лорду Томасу Брюсу, сыну графа Эйлсбери. Случился тутъ врачъ, завѣдовавшій королевскими ретортами и тигелями. У него не было ланцета; онъ вскрылъ жилу перочиннымъ ножикомъ. Кровь пошла свободно; но король не приходилъ въ память.

Его перенесли на постель, у которой герцогиня Портсмутъ оставалась нѣкоторое время, наклонившись надъ больнымъ съ фамильярностью жены. Между тѣмъ по дворцу прошла уже тревога. Королева и герцогиня Йоркская сѣвши къ больному. Любимая наложница принуждена была удалиться въ свои покои. Эти покои были три раза сломаны и три раза перестроены любовникомъ въ угожденіе ея прихотямъ. Даже каминный приборъ былъ въ нихъ изъ цѣльнаго серебра. Многія цѣнныя картины, принадлежавшія собственно королевѣ, были перенесены въ жилище любовницы. Буфеты были уставлены серебромъ богатой работы; въ нишахъ стояли ковчезцы, превосходнѣйшіе образцы японскаго искусства. Шпалеры, прямо съ парижскихъ станковъ, отличались богатствомъ красокъ, съ которымъ не могли состязаться никакія издѣлія англійскихъ фабрикъ; онѣ изображали птицъ съ роскошными цвѣтными перьями, ландшафты, охотническія сцены, великолѣпную Сентъ-Жерменскую террасу, версальскіе статуи и фонтаны (b). Среди этого великолѣпія, куп-

(*) ROGER NORTH'S «*Life of sir Dudley North*», 170; «*The True Patriot vindicated, or a Justification of his Excellency the E— of R—*»; BURNET, I, 605. Книги казначейства доказываютъ, что Борнетъ имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія.

(b) EVELYN'S «*Diary*», Jan. 24, 1681½. Oct. 4, 1683.

леннаго цѣною грѣха и позора, несчастная женщина предалась горести и отчаянію, которыя, надо отдать ей справедливость, были не вполнѣ эгоистичны.

Ворота Вайтголя, обыкновенно открытыя для каждаго проходящаго, были заперты. Впрочемъ, особъ, извѣстныхъ въ лице, выпускали. Прихожія и галереи вскорѣ были биткомъ набиты народомъ; даже въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ больной, тѣснилась толпа перовъ, членовъ Тайнаго совѣта и иностранныхъ посланниковъ. Созваны были всѣ медицинскія знаменитости Лондона. До того доходила политическая вражда партій, что на присутствіе нѣкоторыхъ врачей изъ виговъ смотрѣли, какъ на чрезвычайное событіе (*). Былъ также при больномъ одинъ врачъ изъ католиковъ, стяжавшій огромную славу своимъ искусствомъ, докторъ Томасъ Шортъ. Сохранились нѣкоторые изъ прописанныхъ рецептовъ; одинъ изъ нихъ подписанъ четырнадцатію докторами. Больному пустили много крови; къ головѣ прикладывали ему горячее желѣзо, въ ротъ насильно пропускали какую-то отвратительную летучую соль, добывавшуюся изъ человѣческихъ череповъ. Онъ пришелъ въ чувство, но положеніе его было очевидно крайне опасно.

Королева нѣкоторое время усердно ухаживала за больнымъ. Герцогъ Йоркскій почти не отходилъ отъ постели брата. Въ Лондонѣ въ то время находились примасъ и четыре другіе епископа. Они провели весь день въ Вайтголь и вызвались поочередно сидѣть ночью въ спальнѣ короля. Вѣсть о его болѣзни возбудила по всей столицѣ общую печаль и смущеніе. Его мягкій нравъ и обходительность пріобрѣли ему любовь значительной части націи; и даже люди наиболѣе нелюбившіе короля предпочитали его безнравственное легкомысліе суровому и мрачному изувѣрству его брата.

Въ четвергъ утромъ, 5-го февраля, «*Лондонская Газета*» возвѣстила, что состояніе здоровья его величества поправляется, и что врачи считаютъ его внѣ опасности. Радостно зазвонили колокола по всѣмъ церквамъ; по улицамъ дѣлались приготовленія къ потѣшнымъ огнямъ. Но вечеромъ узнали, что послѣдовалъ второй припадокъ, и что врачи отказались отъ всякой надежды. Всѣ умы были сильно встревожены; но не обнаруживалось никакого расположенія къ смутамъ. Герцогъ Йоркскій, уже принявшій роль правителя, удостовѣрился, что въ Сити

(*) DUGDALE'S «*Correspondence*».

было совершенно спокойно, и что онъ могъ безъ всякаго затрудненія быть провозглашенъ королемъ, какъ скоро братъ его скончается.

Король сильно страдалъ и жаловался, что чувствовалъ, какъ будто внутри его горитъ огонь. Однако онъ выносилъ страданія съ такимъ мужествомъ, которое, казалось бы, не было свойственно его мягкой, сластолюбивой натурѣ. Видъ мученій такъ сильно потрясъ его жену, что она упала въ обморокъ и была отнесена безъ чувствъ въ свою комнату. Дежурившіе при больномъ прелаты съ самаго начала убѣждали его приготовиться къ смерти. Тутъ они сочли долгомъ возобновить свои увѣщанія еще съ большею настоятельностью. Вилламъ Сакрофтъ, архіепископъ кентербѣрійскій, человекъ честный и благочестивый, но ограниченнаго ума, повелъ рѣчь съ большою смѣлостью. «Пора, говорилъ онъ, высказаться, ибо вы, государь, должны скоро предстать предъ судью нелицепріятнаго». Король не отвѣчалъ ни слова.

Затѣмъ испыталъ свою силу убѣжденія Томасъ Кенъ, епископъ батскій и вельзскій. Онъ былъ человекъ даровитый и ученый, полный живаго чувства и отличавшійся незапятнанной добродѣтелью. Ученныя сочиненія его давно забыты; но его утренніе и вечерніе гимны до сихъ поръ повторяются въ тысячахъ домовъ. Хотя ревнитель монархія, подобно большей части духовенства, онъ, однако, не былъ низкопоклонникомъ. Еще до возведенія своего въ епископскій санъ, онъ умѣлъ поддержать достоинство своего званія, не позволивъ, во время пребыванія двора въ Винчестерѣ, помѣстить Элеонору Гвиннъ въ томъ домѣ, въ которомъ жилъ самъ, какъ настоятель (*). Король былъ достаточно разсудителенъ, чтобы уважить такое мужество. Онъ любилъ Кена болѣе всѣхъ другихъ прелатовъ. Тщетно, однако, теперь добрый епископъ истощалъ свое краснорѣчіе. Его торжественное и трогательное увѣщаніе наполнило благоговѣніемъ и умилило всѣхъ присутствовавшихъ; многіе изъ нихъ вѣрили, что онъ исполненъ того духа, который, въ ветхозавѣтныя времена, устами Наана и Іліи призывалъ грѣшныхъ царей къ покаянію. Карлъ, однако, не былъ тронутъ. Онъ не сдѣлалъ, правда, никакого возраженія, когда стали читать молитвы о страждущихъ недугами. На настойчивые вопросы духовныхъ особъ онъ отвѣчалъ, что душевно скорбитъ обо всѣхъ своихъ

(*) HAWKINS'S «*Life of Ken*», 1743.

прегрѣшеніяхъ; даже позволилъ произнести надъ собою отпущеніе грѣховъ по обряду англиканской церкви; но когда его убѣждали объявить, что онъ умираетъ въ общеніи этой церкви, онъ какъ будто не слышалъ, что ему говорили; и ничѣмъ нельзя было склонить его принять святое причастіе изъ рукъ епископовъ. Принесли къ его постели столъ съ хлѣбомъ и виномъ, во все было напрасно. То онъ возражалъ, что не къ чему торопиться, то отговаривался слабостью.

Эту апатію многіе приписывали презрѣнію ко всему, что относилось до религіи; многіе другіе объясняли ее тѣмъ нравственнымъ оцѣпненіемъ, которое часто предшествуетъ смерти. Но во дворцѣ было нѣсколько лицъ, знавшихъ истинную причину. Карлъ никогда не былъ искреннимъ членомъ установленной церкви. Мысли его долго колебались между гоббизмомъ и папизмомъ. Пока онъ былъ здоровъ и весело жилось ему на свѣтѣ, онъ былъ невѣрующимъ; въ немногія торжественныя минуты своей жизни онъ былъ католикомъ. Герцогу Йоркскому это было извѣстно; но онъ былъ занятъ исключительно заботою о собственныхъ интересахъ. По его приказанію, наружныя ворота были заперты и разставлены отряды гвардіи въ разныхъ частяхъ Сити. Онъ успѣлъ также дать умирающему королю подписать слабою рукою бумагу, которою нѣкоторые сборы, утвержденные парламентомъ только по смерти царствующаго короля, отдавались на откупъ еще на три года. Эти заботы въ такой степени поглощали все вниманіе Іакова, что ему, обыкновенно столь нескромно и неумѣстно хлопотавшему объ обращеніи въ свою вѣру, и въ голову не приходило, что братъ его могъ умереть безъ причастія. Это упущеніе было тѣмъ удивительнѣе, что въ самое то утро, когда король заболѣлъ, герцогиня Йоркская, по просьбѣ королевы, напоминала о томъ, что слѣдовало бы озаботиться доставленіемъ ему духовнаго напутствія. Этимъ напутствіемъ Карлъ былъ наконецъ обязанъ посредству не благочестивой жены и не свояченицы, а совсѣмъ иныхъ лицъ. Суетная и порочная жизнь не уничтожила въ герцогинѣ Портсмутъ религіознаго чувства или той нѣжности, которая составляетъ славу ея пола. Французскій посолъ Барильонъ, пріѣхавъ во дворецъ освѣдомиться о здоровьѣ короля, навѣстилъ и ее. Онъ засталъ ее въ ужаснѣйшемъ горѣ. Она отвела его въ потаенную комнату и излила передъ нимъ все, что было у ней на душѣ. «Я имѣю сообщить вамъ очень важную вещь, сказала она; еслибъ ее узнали, голова моя была бы въ опасности. Король дѣйствительно искренній католикъ; но онъ умретъ, не примирившись съ церковью. Спальня его полна протестантскаго

духовенства. Я не могу войти, не возбудивъ соблазна. Герцогъ думаетъ объ одномъ себѣ. Поговорите съ нимъ, напомните ему, что дѣло идетъ о спасеніи души. Онъ теперь господинъ; онъ можетъ приказать очистить комнату. Ступайте немедленно, иначе будетъ поздно.»

Барильонъ поспѣшилъ въ спальню, отвелъ герцога въ сторону и передалъ порученіе королевской любовницы. Совѣсть заговорила въ Іаковъ. Онъ вздрогнулъ, какъ будто пробудился отъ сна, и объявилъ, что ничто не удержитъ его отъ исполненія священнаго долга, которое онъ и такъ уже слишкомъ долго откладывалъ. Нѣсколько разныхъ плановъ было обсужено и отвергнуто. Наконецъ герцогъ приказалъ толпѣ посторониться, подошелъ къ постели, наклонился и шепнулъ больному что-то такое, чего никто изъ присутствующихъ не могъ слышать, но что, по общей догадкѣ, должно было относиться къ дѣламъ государства. Карлъ отвѣчалъ внятнымъ голосомъ: «Да, да, отъ всей души.» Никто изъ присутствовавшихъ, кромѣ французскаго посла, не догадался, что король этими словами выражалъ свое желаніе быть принятымъ въ лоно римской церкви.

«Не привести ли священника?» спросилъ герцогъ.— «Приведи, братецъ», отвѣчалъ больной. «Ради Бога, приведи и не теряй времени. Да нѣтъ, ты наживешь себѣ хлопотъ.» — «Хоть бы жизни мнѣ стоило, возразилъ герцогъ, я добуду священника.»

Однако найти католическаго священника на такое дѣло, по первому спросу, было нелегко. По дѣйствовавшему въ то время закону, принимавшій новообращеннаго въ лоно римско-католической церкви считался виновнымъ въ уголовномъ преступленіи. Графъ Кастель-Мельоръ, португальскій вельможа, политическими волненіями принужденный покинуть отечество и нашедшій радушный пріемъ при англійскомъ дворѣ, вызвался доставить духовника. Онъ обратился къ своимъ соотечественникамъ, служившимъ въ придворномъ штатѣ королевы; но оказалось, что ни одинъ изъ ея капелановъ не зналъ настолько по-французски или по-англійски, чтобы исповѣдать короля. Герцогъ и Барильонъ уже собирались послать за священникомъ къ венеціанскому посланнику, когда узнали, что въ Вайтголлѣ случайно находился одинъ бенедиктинскій монахъ, по имени Джонъ Годльстонъ. Этотъ монахъ съ большой опасностью для себя спасъ жизнь короля послѣ сраженія при Вустерѣ, почему со времени Реставраціи постоянно пользовался особыми льготами. Въ самыхъ грозныхъ прокламаціяхъ, изданныхъ противъ римско-католическихъ священниковъ, въ то время, когда лжесвидѣтели раздули ярость во всемъ народѣ, Годльстонъ былъ

лично изъять отъ ихъ дѣйствія (*). Онъ охотно согласился вторично подвергнуть свою жизнь опасности за своего государя; но представилось еще затрудненіе. Честный монахъ былъ такъ мало грамотенъ, что не зналъ, что слѣдовало ему говорить при такомъ важномъ дѣйствіи. Однако одинъ португальскій священникъ наскоро научилъ его, при помощи графа Кастель-Мельора, и, послѣ этого наставленія, довѣренный служитель короля, Чиффинчъ, повелъ его по задней лѣстницѣ, по которой онъ, если вѣрить сатирамъ того вѣка, часто важивалъ гостей со всѣмъ инога рода. Тогда герцогъ, именемъ короля, приказалъ всѣмъ присутствующимъ выйти изъ комнаты, за исключеніемъ Льюиса Дюраса графа Фивершама и Джона Гранвля графа Бата. Эти вельможи были оба протестантскаго вѣроисповѣданія; но Іаковъ думалъ, что могъ положиться на ихъ преданность. Фивершамъ, родомъ французъ знатнаго происхожденія, племянникъ великаго Тюреня, занималъ высокую должность въ англійскомъ войскѣ и былъ камергеромъ королевы. Батъ былъ гардеробмейстеромъ.

Приказаніе герцога было исполнено; даже врачи удалились. Тогда задняя дверь отворилась, и вошелъ патерь Годльстонъ. На его священное облаченіе былъ наброшенъ плащъ, а выбритое темя его скрывалъ пышный парикъ. «Государь, сказалъ герцогъ, этотъ добрый человекъ нѣкогда спасъ вамъ жизнь. Теперь онъ пришелъ спасать вашу душу». Карлъ отвѣтилъ слабымъ голосомъ: «Добро пожаловать». Годльстонъ исполнилъ свое дѣло лучше, чѣмъ отъ него ожидали. Онъ сталъ на колѣни у постели, выслушалъ исповѣдь, далъ отпущеніе грѣховъ, соборовалъ больнаго. Короля спросили, желаетъ ли онъ приобщиться святыхъ таинъ. «Конечно, отвѣчалъ Карлъ, если только я не недостоинъ того.» Принесли дары. Карлъ сдѣлалъ слабое усиліе, чтобы встать и преклонить колѣно. Священникъ велѣлъ ему лежать спокойно, увѣряя, что Богъ приѣмлетъ смиреніе души и не требуетъ униженія тѣла. Королю такъ трудно было проглотить причастіе, что пришлось отворить дверь и потребовать стаканъ воды. По окончаніи обряда, монахъ поднялъ распятіе передъ кающимся, увѣщавъ его устремить послѣдніе свои помыслы на страданія Искупителя и затѣмъ вышелъ. Все дѣло

(*) См. «*London Gazette*», Nov. 21, 1678. Барильонъ и Борнетъ говорятъ, будто Годльстонъ былъ изъять изъ всѣхъ актовъ парламента, изданныхъ противъ католическихъ священниковъ; но это ошибка.

продолжалось около трех четвертей часа; между тѣмъ въ это время придворные, наполнявшіе смежную комнату, шопотомъ и многозначительными взглядами передавали другъ другу свои подозрѣнія. Наконецъ дверь отворилась, и толпа снова наполнила комнату умирающаго.

Былъ уже поздній вечеръ. Король былъ, повидимому, значительно успокоенъ тѣмъ, что совершилось. Къ постели его привели его побочныхъ дѣтей: герцоговъ Графтона, Соутгамптона и Нортумберланда, дѣтей герцогини Кливландъ; герцога Сентъ-Альбанса, сына Элеоноры Гвиннъ, и герцога Ричмонда, сына герцогини Портсмутъ. Карлъ всѣхъ ихъ благословилъ, но съ особенною нѣжностью обращалъ рѣчь къ Ричмонду. Одного не было между ними, которому слѣдовало тутъ быть. Старшій и наиболѣе любимый сынъ скитался въ изгнаніи. Отецъ ни разу даже не произнесъ его имени.

Въ теченіе ночи Карлъ убѣдительно просилъ Іакова заботиться о герцогинѣ Портсмутъ и ея сынѣ. «Не дай, добродушно присовокупилъ онъ, умереть бѣдной Целли съ голоду.» Королева прислала Галифакса съ извиненіемъ въ своемъ отсутствіи. Она была слишкомъ разстроена, говорила она, чтобы занять свое мѣсто у постели мужа, и просила прощенія во всемъ, въ чемъ она могла неумышленно передъ нимъ провиниться. «Ей ли просить у меня прощенія, бѣдняжкѣ!» воскликнулъ Карлъ. «Я самъ отъ чистаго сердца прошу у нея прощенія.»

Утренній свѣтъ началъ проникать въ окна Вайтголля; Карлъ приказалъ служителямъ отдернуть занавѣси, чтобы ему еще разъ взглянуть на божій день. Онъ замѣтилъ, что пора было завести часы, стоявшіе около его кровати. Эти мелкія подробности долго сохранялись, потому что онѣ неоспоримо доказываютъ, что онъ былъ въ полной памяти, когда объявилъ себя католикомъ. У тѣхъ, которые цѣлую ночь простояли около него, онъ просилъ извиненія, что причинилъ имъ столько безпокойства. Онъ безмѣрно долго умиралъ, говорилъ онъ; но надѣялся, что они не взыщутъ. Это былъ послѣдній проблескъ той рѣдкой обходительности, могущество которой столько разъ оказывалось достаточнымъ, чтобы смягчить гнѣвъ справедливо негодовавшаго народа. Вскорѣ послѣ разсвѣта у больного отнялся языкъ. Въ десятомъ часу онъ впалъ въ безпамятство. Многочисленныя толпы народа собрались во всѣхъ церквахъ къ утренней службѣ. Когда стали читать молитву за короля, громкіе стоны и рыданія засвидѣтельствовали, какъ глубоко скорѣли о немъ его

поданные. Въ полдень въ пятницу, 6 февраля, онъ испустилъ духъ безъ малѣйшей борьбы (*).

Въ то время простой народъ по всей Европѣ и нигдѣ въ такой степени, какъ въ Англии, имѣлъ обыкновеніе смерть особъ, Подозрѣнія въ отравленіи.

(*) CLARKE'S «*Life of James the Second*», 1, 746. Orig. Mem.; BARILLON'S Despatch of Feb. $\frac{9}{18}$, 1685; CITTERS'S Despatches of Feb. $\frac{3}{13}$ and Feb. $\frac{6}{16}$; HUDDLESTON'S Narrative; «*Letters of Philip, second Earl of Chesterfield*», 277; Sir H. ELLIS'S Original Letters, first series, III. 333; second series IV. 74; CHAILLOT MS.; BURNET, I, 606; EVELYN'S «*Diary*», Feb. 4, 168 $\frac{4}{8}$; WELWOOD'S «*Memoirs*», 140; NORTH'S «*Life of Guildford*», 252; «*Examen*», 648; HAWKIN'S «*Life of Ken*»; DRYDEN'S «*Threnodia Augustalis*»; Sir. H. HALFORD'S «*Essay on Deaths of Eminent Persons*». См. также отрывокъ изъ письма, писаннаго лордомъ Брюсомъ много времени спустя послѣ того, какъ онъ сталъ графомъ Эйлсбѣри и напечатаннаго въ «*European Magazine*» за апрѣль 1795. Эйлсбѣри называетъ Борнета лжецомъ. Между тѣмъ ни одинъ безпристрастный и разсудительный читатель не найдетъ собственнаго его разсказа и разсказа Борнета противурѣчащими другъ другу. Я видѣлъ въ Британскомъ музеѣ и въ библиотекѣ Королевскаго института любопытный летучій листъ, содержащій разсказъ о смерти Карла. Онъ находится въ коллекціи Сомерса. Авторъ его былъ очевидно ревностный католикъ и долженъ былъ имѣть доступъ къ самымъ вѣрнымъ источникамъ. Я сильно подозреваю, что онъ имѣлъ сношенія, прямыя или косвенныя, съ самимъ Іаковомъ. Въ разсказѣ ни одно имя не выписано сполна; но начальныя буквы совершенно понятны, кромѣ одного тольکو мѣста. Авторъ говоритъ, что D. of Y. былъ наведенъ на мысль о долгѣ брату P. M. A. C. F. — Я долженъ сознаться въ своемъ совершенномъ неумѣнн разгадать смыслъ этихъ пяти буквъ; нѣкоторымъ утѣшеніемъ можетъ служить мнѣ то, что усилія сэра Вальтеръ-Скотта были такъ же безуспѣшны. Послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія настоящаго сочиненія, мнѣ было сообщено нѣсколько замысловатыхъ догадокъ на счетъ этихъ таинственныхъ буквъ; однако я убѣжденъ, что истинное значеніе ихъ еще не найдено.

Казалось бы, что ни одно событіе въ исторіи не должно быть намъ извѣстно въ такой точности, какъ сцена, происходившая около смертнаго одра Карла II. Мы имѣемъ нѣсколько разсказовъ, написанныхъ людьми, находившимися въ той самой комнатѣ, когда онъ умиралъ; имѣемъ нѣсколько разсказовъ писанныхъ такими людьми, которые, не бывъ сами очевидцами, имѣли возможность получить самыя точныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ. Между тѣмъ, кто попытается свести эту огромную массу матеріаловъ въ стройный разсказъ, тотъ убѣдится, что это задача очень трудная. Даже Іаковъ и его жена, рассказывая происшествіе монахинямъ въ Шальо, не могли согласиться между собою относительно нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Королева рассказывала, что послѣ того какъ Карлъ пріобщился святыхъ тайнъ, протестантскіе епископы возобновили свои увѣщанія. Король возражалъ, что ничего подобнаго не бывало. — «Право, увѣряла королева, ты мнѣ это говорилъ самъ.» — «Невозможное дѣло, чтобы я говорилъ тебѣ это, отвѣчалъ король, потому что ничего подобнаго не бывало.»

принадлежавшихъ къ царственнымъ фамиліямъ,—особенно если они пользовались общею любовью, и если смерть ихъ была внезапна,—приписывать самому гнусному и вѣроломному способу убійства. Такимъ образомъ Іакова I обвиняли въ отравленіи принца Генриха. Такимъ же образомъ Карла I обвиняли въ отравленіи Іакова I. Точно такъ же и во время республики, когда умерла въ Керисбрукѣ принцесса Елисавета, народная молва громко утверждала, что Кромвелль унизился до бессмысленнаго и низкаго преступленія, подсыпавъ ядовитаго зелья въ пищу молодой дѣвушки, которую губить онъ не имѣлъ никакого понятнаго повода (*). Нѣсколько лѣтъ спустя, быстрое разложеніе трупа самого Кромвелля было многими приписано смертоносному питью, данному ему въ лекарствѣ. Смерть Карла II не могла не возбудить подобныхъ же толковъ. Общество вдоволь наслушалось неоднократно возобновлявшихся рассказовъ о мнимыхъ замыслахъ папистовъ противъ жизни короля. Вслѣдствіе этого во многихъ умахъ осталась сильная склонность къ подозрѣнію; смерть же Карла сопровождалась нѣкоторыми несчастными обстоятельствами, которыя настроеннымъ такимъ образомъ умамъ могли служить доказательствомъ, что тутъ совершено преступленіе. Четырнадцать врачей, совѣщавшихся о болѣзни короля, противорѣчили другъ другу и себѣ самимъ. Нѣкоторые изъ нихъ полагали, что припадокъ

Очень жаль, что сэръ Генри Гальфордъ такъ мало позаботился, чтобъ удостовѣриться въ фактахъ, надъ которыми произносилъ судъ. Онъ, повидимому, вовсе не зналъ о существованіи рассказовъ Іакова, Барильона и Годльстона.

Такъ какъ мнѣ здѣсь въ первый разъ приходится ссылаться на переписку голландскихъ министровъ при англійскомъ дворѣ, то я долженъ замѣтить, что рядъ депешъ ихъ, отъ восшествія на престолъ Іакова II до его бѣгства, составляетъ одну изъ наиболее цѣнныхъ частей коллекціи Макинтоша. Позднѣйшія депеши, до учрежденія новаго правительства въ февралѣ 1689, я получилъ изъ Гаги. До сихъ поръ слишкомъ мало пользовались голландскими архивами. Они содержатъ множество свѣдѣній, въ высшей степени любопытныхъ для каждаго англичанина. Расположены они въ отличнѣйшемъ порядкѣ и вѣрены людямъ, которыхъ вѣжливость, радушіе и усердіе къ успѣхамъ литературы выше всякихъ похвалъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать, какъ много я самъ обязанъ г-ну Де-Іонгу и г-ну Ванъ-Званну.

(*) Кларендонъ упоминаетъ объ этой клеветѣ съ заслуженнымъ презрѣніемъ. «Согласно дружелюбному расположенію того времени къ Кромвеллю, очень многіе старались увѣрить, что смерть послѣдовала отъ яду, хотя не было тому никакихъ признаковъ, да и впоследствии не представлено никакихъ доказательствъ.» Кн. XIV.